

[предисловие к публикации]

Никита Хониат

Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем, властвующим над восточными ромейскими городами, когда латиняне владели Константинополем, Иоанн Мизийский же со скифами предпринимал набеги на западные ромейские земли.

Рассказывают, что Александр, тот который был рожден Филиппом и совершил трудный поход против Дария, единственный завоевавший весь Восток, очень любил ученые беседы и общаться с лучшими из мудрецов. Он больше всего находил удовольствие [в рассказах] о делах великих, любил браться за опасные дела, подвергаться большим опасностям ради того, чтобы эллины побеждали варваров, а сам был прославлен эллинами и, будучи смертным, стал бессмертным. И я считаю, что Александр поступал и говорил хорошо, да и не только Александр, но и любой другой самодержец, честолюбивый, как Александр. Ибо они передают и на крыльях славы продвигают во все концы земли похвалу, ибо не поддержанное словами погибает и уносится в глубину Леты. Как говорится, одни руки нуждаются в делах, а другие - в музах, чтобы одни совершали военные дела в соответствии с их природным предназначением, а другие - дела, которые, будучи переданными книгам, подобно кораблям, пересекли бы огромное море времени. И поэтому я думаю, что дела Гермеса [1] не отличаются от дел Ареса [2] и не относятся друг к другу, как утверждение и отрицание. Ибо если слова - тень деяний, которая всегда следует как за делами, так и за телами, то бесспорно наилучшим деяниям и побеждающим в войнах владыкам сопутствует вестник Гермес, [который] представляется сросшимся с ними и восседающим вместе. Неоспоримое доказательство сказанного мною Орфей - дитя Каллиопы. На его медных изображениях он сражается, подобно Александру, украшенному славными победами, [одержанных] оружием, весь покрывшийся потом. [3]

Если это так, могущественный василевс, ты вернулся к нам победителем,[4] самым выдающимся триумфатором. Оставь на короткое время оружие, дай отдохнуть коню, отдохни от трудов, вытри пот и сотри с себя пыль, которая, как на молотильном току, покрывает твою священную голову. Но и зычной трубе не позволяй боевой клич, а только клич, призывающий к торжественному шествию, и слушай Гермесовы речи. Ты доблестно сражался, совершил блистательные подвиги и мужественно бился. Поэтому следует тебе выслушать похвальное слово по поводу побед, подобно тому как в прошлом состязавшиеся вносились в список и [получали] победный венец. Ведь речи тебя не изнежат, не бойся этого. Наоборот, они ободрят тебя и придадут силы на более великие и возвышенные деяния, как некогда военные песни Тимофея [5] вдохновляли Александра надеть доспехи. Ибо похвальное слово людям тупым и изнеженным [делает их] слабыми и женоподобными. Всякий, кто увидит их, заметит как от похвал, щекочущих их уши подобно свиньям, которым чешут живот, они делаются трусливыми. Похвалы же людям мужественным и благородным, руки которых всегда в заботах,[6] а жизнь деятельная и напряженная, побуждают их к подвигу и к другим доблестным делам. И они узнают свои подвиги в словах, как в изображении ясных и гладких зеркал; так Электра узнала братские локоны, сравнив их со своими волосами.[7]

Поэтому нужно передать речи твои подвиги и поднести похвальное слово как справедливую лепту и долг. Ибо если ты всегда выше всего ценишь победы и заботишься о победных трофеях, то непременно найдутся слова для твоих блистательных дел и сделают их (дела. — П.Ж.) везде известными, поскольку не как родовое наследство, а как награду за доблесть и воздаяние за труды и раны ты получил власть от Бога. Ибо тебя призвало к императорской власти и возвысило над всеми и родство с императорским домом, и славный и знатный род,[8] и то, что державшие ромейский скипетр Ангелы [9] немного ослабили. Кроме того, изменились и обстоятельства. Множество народов [пришедших] с Запада захватило первейший и красивейший город,[10] наши знатные люди рассеялись кто куда, все бежали, чтобы спастись, одни ушли, а другие остались на родине, но не защищали ее, а скорее попирали ее ногами и еще больше осквернили себя тем, что добровольно подчинились победившим народам и за кусок хлеба и чашечку питья подло продали свободу. Сами обстоятельства почти кричали, как глашатай со звонким голосом, что императорская власть достается не игрой судьбы, не как родовой удел, а как дар за мужество и награда за многие подвиги. Ты один из

всех, по всеобщему мнению, стал достойным [ее], ибо ты не бежал от врагов, лишенный всего, кроме доблести и тела, как некогда хитроумный Одиссей из волн шумящего моря...[11] не высматривал и не искал пристанища,[12] и не заботился, подобно другим трусам, чтобы тебе одному было хорошо.

Но что же? Ты не даешь сна очам и веждам дремания.[13] Ты оплакиваешь, как многослезливый пророк, несчастья, которые обрушились на Новый Сион, и, из существующего положения дел представляя будущее и ясно видя грозящие ужасы (ибо отовсюду беда за бедой восставала),[14] ты немедленно одно устраиваешь к лучшему, а другое укрепляешь и всем им уделяешь заботу. Ты объезжаешь восточные города и вступаешь в переговоры с жителями,[15] ты указываешь им, какие несчастья их ожидают, если они немедленно не подчинятся тебе. Одних ты бранишь, а других наказываешь. В одном случае ты выступаешь перед толпой простого народа, в другом приглашаешь к себе к совместной трапезе знатных людей и показываешь свой многоопытный нрав и разнообразие мысли, чтобы таким образом как-то зажечь уже погасший дух ромеев, так как все со страхом смотрят на латинское копьё как на небесное знамение, вытянутое как комета. Ты часто выносил и оскорбления, иногда пригрозив дубиной, даровал посох,[16] бросив вражду, укреплял дружбу; не ради собственной выгоды ты шел на войну, спасительную для всех городов, не ради того, чтобы надеть пурпурную одежду и красные сандалии, но чтобы прогнать смертоносных варваров и прийти на помощь родине, страдающей и терпящей самые невыносимые и страшные бедствия. Ты молился как [апостол Павел], божий проповедник из Тарса, сражаясь в первых рядах за общую свободу, чтобы стать приношением за своих сородичей и соплеменников.[17]

О, твой пот, император, которым ты часто был залит, сражаясь с копьеносцами в городе Пиги,[18] через который пришло наше спасение, а ты сам, как солнце, умывшееся в океанской воде, взошел более славным для нас. О, удары твоего копья, которым ты изгонял приближающиеся ужасы! О, непоколебимое простираие твоего копья, отбрасывающего длинную тень,[19] и прямое простираие на врагов, благодаря чему ты, с одной стороны, поставил на ноги наши уже низвергнутые дела, а с другой — набросил на головы врагов длинную тень смерти. Поистине твое тамошнее управление конем стало для нас спасительным и там убедились, что в рукопашном бою ты непобедим и что несравненно владеешь копьем как лев, мужественный и горячий, с мощной шеей, как стремительный, не оставляющий следов, орел, ибо ты парил как бы по воздуху или поднимался на крыльях ветров, или двигался, почти как вечно движущееся солнце, обходил или объезжал все там на коне быстрее мысли.

Решив обратиться к персам и вступить в переговоры с их верховным сатрапом (αρχισατρατῆς)[20] для того, чтобы устроить к лучшему дела ромеев, этим ты превзошел молву о себе. Когда того, о ком им было известно по слуху, как о свояке императора и человеке очень родовитом, они увидели глазами и узнали на опыте как самого выдающегося полководца, великодушного и дерзновенного, то они как удостоившиеся большого благоволения собрали союзное войско и с радостью отправили тебе, обрадовавшемуся. Ты тогда преисполнил ромеев добрыми надеждами, ибо даже персы стали единомышленниками ромеям и соучастниками им в делах Ареса, ты убедил быть отважными тех, которые отчаялись во всем,[21] указав, что дела уже получают благополучный исход, побудил их не уклоняться [от войны], а быть мужественными и сражаться.

Безусловно, ты подал знак трубой к сражению, подобно архангельскому кличу воскрешения из мертвых, явил отголосок этой тирренской трубы. Надо было видеть, как из жилищ вставали трусливые и побледневшие от страха. С просветленными лицами они мужались к битве. С чем мне сравнить эти великолепные и дерзновенные подвиги, смелость и силу, [ту самую], которую дала Афина Паллада Тидиду [22] и которая превратила муравьев в людей — широко известный знак благочестия Эака? [23] Ибо то, что мифы приписывали героям, наделяя их сверхъестественными чертами, ты сам осуществил по отношению к нам. Воинов из наших отрядов, которые, когда наступала пора сражения, не смели даже смотреть на вражеский шлем [24] и не более муравьев годных в военных делах или жаждущих надеть шлем Аида,[25] привел в сознание, или, как говорится, сделал другими: из бегущих от сражения — воинов, из невооруженных — гоплитов, из домоседов — желающих жить в палатках, из живущих дома — предпочитающих находиться под открытым небом, из непривычных к верховой езде — годных управлять колесницами,

[запряженными] арабскими и нисейскими [26] конями, взнузданными ремнями и одетыми в защитные попоны, закрывающие все тело коня.

Ромейский щит, пахнувший дымом,[27] более не висит на гвозде, колчан для стрел не источен червями, красиво изогнутый лук не полон плесени, крепкое копьё [28] движется и колеблется, меч, не изъеденный ржавчиной, уже не бесполезен. Твой клич не был вообще пустым, напрасно брошенным на ветер; он очень метко был пущен в цель. Ты счел, что лучше, чтобы лев вел войско оленей, чем олень командовал бы войском львов. Если бы я услышал глас божий, направляющий стада пугливых животных и разбивающий пламя огня,[29] то я бы сказал не фальшивя, что такую же силу имеют и твои царские слова и военные приемы, богоподобнейший повелитель.

Еще более замечательно то, что после твоего начала ромейские города уже не смотрят более злобно друг на друга, вопреки закону природы, а одни из них склоняются друг к другу и дружелюбно берутся за дело, другие же отказываются от него и обращают взгляд к другому. Ибо Израиль и Иуда не разные роды,[30] одни поклоняются не злым духам, а Богу, другие же по неведению — Ваалу (именно на это когда-то жаловались пророки и совершенно так незаконно поступали недавно у нас), но все роды, согласившиеся и пришедшие к единомыслию, избирают на царство не терновый куст, [31] и не какого-нибудь человека, имеющего гиматий и разукрашенную одежду для тела,[32] и не совершенно неспособного к военным делам, и еще более непригодного, чем пест, чтобы решать и делать то, что необходимо, но раньше по достоинству правившего и в то же время наиболее искусного из всех в управлении.

Сначала они все из-за твоей доблести и успехов избирают тебя своим полководцем, а затем, перейдя к похвалам по достоинству, обращают к тебе известные слова Давида: «Препояшь себя по бедру мечом твоим, Сильный, натяни, воссядь и царствуй»[33] — и провозглашают василевсом, подобно тому как в прошлом — колено Иуды, а потом весь Израиль сына Кессева.[34] То же самое можно видеть и на [примере] солнца. Когда оно восходит на восточном горизонте, скопления облаков рассеиваются, ночь уступает место дню и весь земной мир улыбается, когда во все стороны рассеиваются лучи, а звезды как слабо светящиеся огоньки скрываются и их совсем не видно. Мы увидели, что это произошло и с тобой, наше светило — император. Ты, взойдя на царскую колесницу и надев знаки власти, затмил, как светлячков, тиранически и бунтарски правивших,[35] заставил их спрятаться, как зверей, что днем спят в своих жилищах. Один пал мертвым, как Бел, а другой был разбит, как Дагон.[36]

Таким образом, надев красные сапожки и короновавшись венцом,[37] разве ты был в чем-то небрежен, разве ты отказался хоть сколько-нибудь от своих намерений или хотя бы редко являлся перед полководцами и солдатами, спрятавшись в раковине, подобно червю. Этого нельзя сказать, нельзя. Но зная, что царская власть — это установленная законом власть над людьми, а не собственный произвол и приложение к трудам, не пребывание в роскоши и не отдых, и зная, что, каков прообраз, таково и подобие его, и зная, что подданные весьма любят уподобляться владыке, [ты отказался] от образа жизни прежних императоров и тех из них, которые потопили царскую власть, как корабль вместе с людьми. Ты стер как бы с неких скрижалей в городах гибельные для многих наставления и вместо них высек свои постановления [38] как заново созданные образцы. Это было тебе очень тягостно и трудно, потому что это был не мягкий воск, которым легко запечатываются образцы печатей. Нужно было отполировать человеческие сердца, на которых раньше были отпечатаны искаженно другие знаки и которые оставались долгое время со знаками, недостойными похвал. Но сами дела вопиют о том, каковы твои указы и каково то, что написано взамен прежнего, победоносный василевс. Услышав божественные слова «блаженный, делающий и поучающий»,[39] ты, приказывая воинам вооружаться, брать копьё, готовить коня к сражению и петь военные песни, не сидишь сам в шатре и не слушаешь тех, кто играет на лире, и не рассматриваешь сообщающего, что произошло в сражении: победили ли мы или потерпели поражение, а как настоящий полководец первым садишься на боевого коня, надеваешь панцирь раньше других, потрясаешь копьем из ясеня, тяжелым, большим и крепким.[40]

Зная, что силу можно купить за деньги, а деньги не равноценны силе, ты не побоялся тратить деньги, ты не был мелочным в том, что касалось даров, и ты не казался [человеком], дающим обещания, как Антигон,[41] прозванный Досоном, но доводил до конца обещание и, как никто другой

из древних, был честолюбивым и щедрым. Итак, благодаря таким действиям и военным приемам, ты отразил латинских копьеносцев, или, точнее сказать, с позором изгнал их с нашей родной земли. Более того, они, хвастливо говорившие, что поднимут на копье всю землю, просили о мире, подтвердив соблудности его клятвой.[42]

Юноши,[43] блуждающие у Понта и вползшие туда, как в логово льва вползает зверь, когда тот оттуда уходит, взяли обманом Никомидию, вступив разбойнически в ее пределы, о чем ты узнал из действий несчастных, детских по разуму и держащих оружие против самих себя, как обезьяна в басне о сетях.[44] И хотя ты предполагал идти путем, годным для езды и всеми проходимым, и ведущим прямо к врагам, ты выступил другим, неожиданным для них, гористым и поросшим густым кустарником и с неприступными склонами скал. Тогда ты шел по кривой дороге, как по ровной, сделал для воинов непроезжий путь легко проезжим.[45] Ты то, как в столпе огненном, шел перед войском,[46] блистая доспехами и сияя полководческим искусством, то использовал искусственный свет, превращая ночь в день, мрак сделал светом.[47] Хороши же были сосуды Гедеоновы, которыми был уничтожен стан Мадиамский [48], но не хуже их и твой способ: благополучный и изобретательный при натиске на врагов, для незаметного прохода войска, откуда ты вывел на пространное место [49] и бесшумными шагами, никак не ожидаемый, став против врагов и развернув, как невод, строй, ты взял в плен полководствующего мальчишку,[50] пищащего, как жалкий воробышко, напрасно хлопающий крылышками. Его же войско ты приказал изрубить, часть обратил в бегство, а часть помиловал, поскольку ты не был сторонником его поголовного истребления, но вносил в свои дела милость. Ты ведь взял оружие не только для того, чтобы сеять смерть, а ради возвращения некоторых [на истинный путь], ради их раскаяния, подражая Господу, ты остановил удар меча и прервал распад [страны].

Но ты еще не сложил оружие, а простер копье против персов, которые вторглись в нашу крепость, пострадавшую от огня.[51] Персы ворвались в крепость, как в пустой дом, подобно злomu духу из Евангелий, который вместе с другими духами, более злыми, чем он, бросается на человеческое тело, потому что оно было пустым и больше там никто не жил, стал селиться.[52] Ты, идя туда, зажег огонь битвы, и задушил персов, как пчел, в дыму сражения, и сжег их, как огонь - прыгающих и летающих вокруг жирных фитилей светильника мошек. А для прежних жителей крепости ты явился трижды желанным, подобно ангелу, который потушил огонь в печи.[53]

Тогда же, после только что одержанной победы, ты напал на нового Ахитофела и разрушил его козни, как детские игрушки на песке.[54] И хотя он был по происхождению нашим [ромеем], мыслил он, как иноземец, и оказался настоящим и непримиримым врагом своей родины. Будучи безумцем, презренный и побуждаемый к змеиному коварству, он добивался власти, хотел стать владельцем ромейских городов и областей с помощью своего персидского свояка и полученных отсюда многочисленных войск.[55] И вот, напав с персидским войском, он, который умел быть мужественным только против своих, уничтожал не согласных с ним единоплеменников как иноплеменных. Ты же, услышав об этом, тотчас же явился для противостояния этому дерзкому нечестивцу и очень легко изгнал его, словно галку с чужими перьями. Что касается его воинов, то одних ты пронзил, погрузив в непробудный сон, других заставил купить избавление быстротою своих ног и ног быстроногих коней, третьих захватил; и тех, которые были знатного и богатого рода и не были из простонародья, оковал вплоть до шеи.

И вот после этих двух нападений и сражений персы, потерпев поражение, больше не осмелились на новую битву. Отказавшись от свойственных им вероломства и грабежей и от открытого сражения, они ослабили тетиву лука и сделались слабыми для битвы. И тот, кто у них был облечен властью, склоняется к заключению мира и твердо обещает тебе свою дружбу. Таким образом, как раз теперь в первый раз победившие ромеи, заключают договор с персами.[56] В прошлом отношения между ромеями и персами не имели такого исхода: последние с успехом совершали набеги на наши города и области, одни они разоряли, овладев ими на определенных условиях, другие грабили, захватив с одного удара, и, привыкнув побеждать, они усвоили себе высокомерие от победы, свойственное им как варварам. Они важничали, относились к неудачам ромеев высокомерно и предоставляли ромеям мир и договоры о дружбе за деньги, но не такие, какие требовали ромеи, но выгодные им. Однако теперь все по-другому и от Бога получено в удел более достойное попечение и изменение десницы.[57]

Если действительно ты слетел сверху к ромеям как дар и Богом дарованная благодать, то следует воспеть совершенное тобою в соответствии с величием давшего и воспеть в соответствии с совершенством дара, поскольку мы узнаем дерево по плоду,[58] а земледельца по плодоношению дерева. Ибо солнце еще не совершило годовое обращение, как победы окружили тебя и водят вокруг тебя хороводы и раздают победные трофеи, которых было не только больше, чем дней в году, но и которые спорили друг с другом за первенство. Да, василевс узнается тем, что начинает с побед, а не по знакам власти и всеславному имени! Да, василевс тот, кто более любит быть одетым в кольчугу Ареса, чем в пурпурную одежду и диадему из драгоценных камней.

Поэтому слава тебе, царь всего, предбезначальное Слово Бога, за попечение о нас и за избрание самодержца. Его обретение тобою — обретение Давида,[59] и таким же было его избрание. Действительно, после множества наших страданий, твои увещевания взбудрили наши души.[60] Ты поразил и исцелил, ты оттолкнул и приблизил к себе, убил, а далее воскресил,[61] ниспроверг и поднял на ноги. Мы сделали притчею между народами, покиванием головы между иноплеменниками, поношением и посмеянием среди (живущих) вокруг нас.[62] Но ты утешил и обратил плач в радость, если и не совсем, то все-таки обратил. Мы прошли огонь и воду, то есть через несчастья, которые мы испытали и которыми мы вдоволь насытились. Но ты и утешил нас, остановив нашествие народов со всех сторон, и оставил нам самодержца как возлюбленное семя,[63] чтобы мы, слабые и несчастные душой, и упавшие духом, носимые, подобно перелетным птицам, и блуждающие, подобно звездам-планетам, имели где отдохнуть и склонить колена от долгого пути и постоянного блуждания. Приятно видеть раду, протянувшуюся в воздухе и свидетельствующую о том, что больше не будет дождя. Но еще более сладостно и приятно зрелище нашего василевса, которого ты возвысил, избранного из твоего народа,[64] и которого мы вечно видим совершающим подвиги, превосходящим самого себя следующими одно за другим блестящими деяниями. И мы прославляем тебя, дарующего великое, за твой славный дар, и мы говорим, признавая твои чудеса, что дар, принесенный тобою, достоин дарителя, избранный — избравшего и помазанный — помазавшего.

И если рука Господа за тебя, василевс, и если Господь с нами через тебя, то кто будет против нас? [65] Если же кто-нибудь и выступит против нас дерзко с оружием, то разве он не будет сочтен богоборцем и разве не удалится ни с чем? Ибо Господь, спасая, спасет твоею рукою свой народ, избранный им как необыкновенный.[66] Он препоясывает тебя силой, и превращает руки твои в медный лук,[67] и поставляет тебя превыше царей земли.[68] И с тех пор как ты, выступив из этого носящего имя победы города,[69] как из срединной точки описал окружность восточных ромейских городов своим копьем как бы грифелем, ты усердно разбивал, ставил в ужасное положение, ты только в одном случае идешь навстречу, когда относятся к тебе благосклонно, склоняют перед тобой шею и приписываются к хору подчиненных городов, тех, которых окружность круга и чертеж включили в себя.

И вот, устремившись к Понтийским областям, ты повел свои войска. Тамошние жители, примкнув к подобному себе некоему юноше,[70] сами злосчастные — к человеку злополучному, изнеженному, с блистающей женственной гладкостью тела, решили пасть ниц и сдать тебе, предпринимающему великие деяния, как победоносному Давиду, которого Господь извлек и избрал за его деяния в качестве истинного Давида. Они же, обольщенные именем Давида, совершили нечто совсем противоположное, поступая так по неразумению, а именно, оставив без внимания льва, истинного царя зверей, они выбрали какое-то животное, одевшее львиную шкуру. Поистине этот народ — глупый и неразумный,[71] и, как оказалось, был предан превратному уму,[72] так как он никогда не делал и не понимал надлежащего. Народ безумствовал подобно тем, которые встали после попойки, чтобы забавляться,[73] а после игр бросились к делам, еще более смехотворным, чем игры; отлив бычьью голову, поклонялись идолу, как богу. Но ты по справедливости выступил против этих отступников и поклонников тельца, имея своим сподвижником во всем Владыку отмщения.[74] Конечно, голоса и пророчества из Священного писания явно предсказывали тебе будущее, и оттуда ты получил власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью.[75] Говоря словами Писания, реки рукоплескали тебе, заставляя свои потоки обратиться назад [76] и подставляя тебе спину, чтобы ты мог скакать верхом по ним.

И ты направил своих лошадей в потоки реки,[77] вздымая огромные воды, и вывел на берег свое пешее и конное войско. Противники же при этом виде без оглядки бежали, чтобы в качестве

очевидцев известить других о твоей переправе. Они находились в полном замешательстве и задыхались, на лицах своих они несли недобрую весть, так что многие, узнав о павших на них ужасах, лишились разума и в смятении не знали, что делать при таких обстоятельствах. Некоторых они довели до полного безумия, в состояние зверей, которые при виде оружия рычат и, приходя в еще большую ярость, прямо набрасываются на того, кто их поражает. Итак, самые непокорные и своенравные, поднявшись на крутые и недоступные для стрел горные [скалы], завладев очень узкими проходами и укрепив их набросанными вековыми деревьями и искусственными заграждениями до полной непроходимости, упорствовали, отважившись сражаться, неразборчиво выкрикивая, подобно стаям летящих птиц, хвастаясь, как гомеровский Пандар, стрелами и колчанами.[78] «Как поступит василевс? — говорили они хвастливо, — и чем ему хитрить, чтобы перехитрить нас? Горы здесь близки к облакам и высоко вершины, мы на них похожи, на небожителей, и чаще всего не видимы находящимися внизу, так как видимость ослабляется высоко вздымающейся высотой, и между нами обоими к тому же разверзнутые ущелья, это долина плача, другой хаос и мрак. И если василевс решит вступить с нами в схватку, то ему нужны будут летающие воинства, чтобы оттуда прилетели сюда и с нами вступили в бой. Василевс силен оружием, изобретателен рассудком, настойчив в трудах, несокрушим в сражении, и он, как божественный Гектор, умеет двигать направо и налево щит,[79] обтянутый просушенной бычьей кожей, и, подобно льву, испугать противника. Но мы совершенно не знаем, как он покажет себя в сражении: конечно, он будет в затруднительном положении если он соберется разыскивать ходящих по краям скал диких коз, идти по земным расщелинам и протискиваться через узкие проходы, через которые с трудом пройдет один человек».

Они считали себя в безопасности и кричали это с похвалой. Ты же обратился к ним со следующими словами пророка: «Вот я пошлю охотников, и они будут охотиться на вас на всех горах» [80] — и направил войско в бой. И тотчас то, что было углублено рвами, сделалось ровным местом, завалы из деревьев и мусора разравнялись и приобрели первоначальный вид, неровный путь сделался ровным; горы, прежде лесистые, обнажились, а мешавшее было опрокинуто на землю. То, что затрудняло продвижение, было ниспровергнуто оружием, наваленное врагами на земле, чтобы преградить путь войску, или истребил сильный, взметнувшийся высоко огонь, или же было поднято и легко переброшено в другие места. И кривая дорога сделалась для войска прямой и удобной.

Да и что ни сделало бы войско, видя в первых рядах василевса, идущего впереди, а не следующего, защищающего, а не защищаемого, часто берущего на себя большую часть трудов, полководца и василевса, ставшего воином; [видя] повелителя, сражающегося вместе с народом, то с топором в руках рубящего лес и расчищающего проход, то предпринимающего нечто другое, спасительное для войска?

Но каким тебя именем по достоинству следует назвать, василевс, творящий великие дела? Назвать ли тебя благородным солдатом, воином-гоплитом, губительным и неприступным для врагов? Но слава (твоего) могущества не позволяет мне спуститься с высоты, она не терпит и негодует против рядовых названий. Назвать тебя василевсом, полководцем, вождем и пастырем народов? Но эти торжественные и славные слова не сопоставимы намного превосходящим их делам. Ибо военные законы предписывают императорам, как нужно составить план действий, расставить воинов, выстроить фланги и вооружить отряды для сражения. Ты же, научившись быть храбрым и всегда имея в руках грозное копьё, превзошел законы для полководцев, так как не только советовал то, что надо совершить, но и первый совершал советуемое и показывал другим пример. «Губит тебя твоя храбрость», [81] можно было бы сказать по примеру Гомера, и «трудов никогда ты не бросишь». [82] В делах ты действуешь, как истинный Александр, который никогда не откладывал на завтра то, что следует сделать сегодня. Ты сам, не будучи ленивым, хотя и вверял полководцам и воинам совершать необходимое, однако ты действовал лично, добровольно возглавлял происходящие где-либо действия и был всем для всех. [83] О, сколь многим придало силы твое слово и твой клик в бою! Их, бегущих от врагов, сколько твое (слово) поворотило! О, сколь многим только своим видом ты придал отваги! Ибо если бы я сказал, что ты сам один достигал успеха в сражении и ни один из мужей не помог тебе, [84] то это нисколько не было бы ложью.

Но как тогда, в каком положении находился противник? Как я уже говорил, он был вооружен и укреплен метательными орудиями, и уповал на защиту гор; когда же ему стало ясно, что все это было напрасно, то он поневоле пошел по другому пути и изменил намерение. Более горячие в сражении

были поражены, разгромлены и убиты. А другие, подобно бегущей лани, обратились в поспешное бегство. Большая же часть их, попав как бы в сети, сама себя порицала в неблагоразумии и, обливаясь слезами, как сказано в божественном писании, обращалась с мольбой к горам: «Падите на нас» — и к холмам: «Покройте нас!» [85]

Так как они обнаружили, что их ожидания не оправдались, а помощь отступника оказалась дрянной, они решили отказаться от него, убедившись в его глупости, и стали бранить его и позорить как трусливого и беспомощного человечешку, тридцать дней обещавшего прийти завтра; особенно, когда они увидели, что во главе войска — Ты, сияющий перед всем войском и, подобно яркой звезде, ослепительно блистающий, видимый всем сквозь множество оружия, а не тот, который не переносит даже шума копий и свиста стрел, бледнеющий от страха при звоне лука, и, как женщина, показывающийся только за стенами, и держащийся как можно дальше от тебя, думающий только о том, куда ему бежать и кем ему сделаться, каким путем спастись, передумавший и бывший хуже мертвого. Итак, враги покоряются тебе мириадами, падая перед тобой ниц, хватая твои ноги и посыпая пылью голову. Что только они не говорили из того, что вызывает жалость, что только не делали, чтоб смягчить свирепость твоего гнева? Тут можно было бы видеть гомеровских Лит,[86] многократно стонущих и скорбно плачущих повсюду и вызывающих сострадание во всем народе и старающихся умиловить твое могущество.

Ты не ставишь [это] им за грех и не поступаешь, как они поступили, а только лишь в справедливом гневе упрекаешь за их действие. «Как часто я призывал вас, о мужи, отправляя послов с предложениями мира,[87] но вы их вообще не приняли. Я звал вас, а вы не слышали, я угрожал вам тем, что теперь наступило, но вы не обращали внимания. Я распростер вам свои объятия и желал вас обнять, вы же вместе с разумом вашим перекрыли мне ров и путь. И я сказал: "С палкой прийти к вам или с любовью и духом кротости?"[88] Из того, как вы поступили, ясно, что вы предпочли ударяющую палку. Теперь как мне принять вас, упрямых и бесстыдных? Я призвал вас, как пастырь стадо, заблудшее в горах и безднах беззакония, но вы не вняли призыву, как блеющие животные [зову] свирели. Более того, вы даже устремились бодаться. И поэтому труба пропела призыв к битве, так как свирель оказалась бесполезной. Я собрал тех, которые вас, как овец, зарежут.[89] Итак, никаких возражений, что вы наслаждаетесь плодами своих решений и намерений, на которых вы настаивали. И никакой пользы от содеянного по необдуманности сопротивления. Вы сами преградили сострадание. Я к вам приближался, но вы отходили. Я подошел и говорил, но увидел, что вы внемлете другому, к нему обращаете взоры. Тогда пусть встанет и придет к вам на помощь тот, чей хлеб едите, чье вино вы пьете и к чьим деньгам вы протягиваете руки. Законную царскую власть вы обменяли на тираническую. Вы, имея возможность прийти к помазаннику божьему, побежали к кому-то другому. И куда оставалось бежать вам, придерживающимся такого образа мыслей? В горы? Но они сделались как бы годными для проезда равнинами. Или за городские укрепления? В крепости? Но я бы на них также взошел и взял бы с первого удара, даже если бы они были совершенно неприступны и защищены мириадами воинов. И вы полагались на того, с кем связывали свои надежды и у кого в услужении находились? Но как мог он спасти других, если не в состоянии спасти себя».[90]

Имея все основания обратиться с такими словами, божественный василевс, ты не счел справедливым ими воспользоваться, но, видя тот народ умоляющим, слезно вопиющим и испускающим жалобные крики, подошедшим к тебе с закованными руками, народ, который недавно поднимал эти же руки на тебя, ты его пожалел как старый и вместе с тем наилучший свой удел и большую, не заслуживающую презрения часть населения твоей державы. Ты не обращаешь внимания на то, что они отступились, наоборот, радуешься, что признали государя и убедились в обмане того, кому прежде были преданы. В связи с этим ты приносишь Господу благодарения и славословишь вместе с богоотцом,[91] который любит псалмы и пение: «Благословен Господь, Бог мой, научающий руки мои битве и персты мои брани», [92] подчиняющий мне мой народ и возвращающий мне мой удел».[93] Ты прощаешь заблуждения не кому-то одному, а другому — нет, но вообще всем. Более того, ты даруешь им не только жизнь, но вместе с жизнью и оружие, и к тому же имущество, а также приказываешь своим войскам, чтобы домашние животные на равнине, необходимые для ярма и для пропитания, не были изгнаны или же истреблены мечами.

Таким образом ты, получив всевозможные награды за победы, воздвиг памятник человеколюбия, вернее, алтарь Милосердия,[94] намного славнее и надежнее победного столпа; вместе с тем ты

искусно сотворил достойный восхищения и другой подвиг: те, кто вчера направлялся и выступал против тебя, натягивал лук и брал на плечи щит, сегодня поднимают оружие в твою защиту, переменявши свое мнение относительно того, за кого три дня тому назад вступали в бой. О удивительное сплетение событий, о поразительное превращение! Противники стали союзниками, враги — защитниками в бою, вчерашние бойцы сегодня уже проводники по путям. О битва, помогавшая родиться миру! О брань, родившая в муках дружбу и соединившая воедино разделенные мнения!

Ты же, о василевс, шел впереди авангарда и преображал сонмы этих людей, прививал, как хороший садовник, дикую маслину к культурной.[95] кроме того, ты исправлял неровные дороги в прямые пути. Скоро бы ты пришел, куда направлялся, и дурным сном подошел бы к тому, кто, как в тюрьму, вошел в Понтийскую Ираклию [96] и, как в каменный хитон, облекся в ее стены, если бы неожиданно и вопреки расчетам другие заботы не воспрепятствовали бы и не увлекли бы тебя сверх ожидания к более трудным битвам.[97]

О превратности судьбы! Как же мне выразиться иначе? О нелепой случайности событие! Правильнее сказать: «Увы, зависть, злобно взглянувшая на твои подвиги и разрушившая счастливым концом! Когда победа тебе протянула уже все завершающий венок, тогда неизвестно кто повернул и увел тебя в другие сражения».

Немногого, расстояния руки не доставало для захвата тобой и наказания сатаны за пьяное буйство. Теснимый обстоятельствами, он мог бы броситься в волны, но враждебная сила, всегда присутствующая при [всем] хорошем и тайно проникающая вместе с ним, уменьшающая радость и вместо нее приносящая мучения, бросила кости иначе и, как кусок печени из пасти зверя, вырвала у твоего войска и лежащий у Понта город, получивший название от Геракла, и того, кто сидел в нем как пленник и явно во всем отчаялся. Ныне мы поистине узнали кораблекрушение в гавани,[98] узнали бездельника, который сам не побеждает, но и ему удастся необыкновенным путем убежать из рук победоносного владыки. Никто и во сне не видел такой удачи, как этот лжеименный Давид, который неожиданно избежал опасности. Действительно, большое расстояние между чашей и краями губ.[99] Сегодняшний день не сходится со вчерашним, но и незначительная доля времени склоняется то в одну, то в другую сторону.

События здесь происходили так. Выброшенный к Понту, как обломок волнами моря, тот юноша рассчитывал, что если он воспользуется италийскими союзниками,[100] то набросится на тебя с новыми, трудноотразимыми силами и вполне спасет себя вследствие изменения обстоятельств. Но несправедливость обманула себя.[101] Узнав о том, что ты в Понтийских областях попал в трудное положение, они воспользовались твоим отсутствием и напали сушей и морем на Никомидию.[102] Ты же, будучи устойчивым при резких переменах обстоятельств, и не успокаивающимся сверх меры удачами, и, наоборот, не уступающим позорно перед трудностями, ты оставил мальчишку, считая, что его легко будет не один раз захватить, и, повернув поводья, ты разыскиваешь его союзников, желая уничтожить и стену, и обмазывавших ее.[103] Что же сделали храбрые воины и непоколебимые всадники, гордые духом, неукротимые и горделивые? Ты еще по-настоящему не напал на них с какой-то частью воинов, как, потеряв от страха рассудок, они ночью убежали без оглядки, покрыв себя позором. Но самое интересное то, что они возвратились меньшие числом, не тем, каким вышли, а потеряв многих людей и большое число лошадей. Бросив весь обоз войска, как груз, увлекающий в Аид, единым духом они вошли в Константинополь. Поэтому уповающему на Господа и ему посвящающему деяния не нужно страшиться внезапно наступавших тягостных неприятностей.

О христолюбивейший василевс, еще вечером, ты был охвачен небольшой печалью из-за того, что сообщили тебе о походе италийцев, наутро же улыбнулась великая радость, так как они отступили и в связи с их обращением в бегство поспешили с уходом. И слова Исаяи некоторым образом относятся и к тебе: «И прострет руку свою Господь на них, и устанут защитники, и упадут защищаемые, и все вместе погибнут».[105] Итак, были не только удвоены тебе от Бога милости, но и к прежним достижениям прибавились еще более прекрасные. Ибо, во-первых, твои враги ошиблись в величине твоих сил, хотя они были искусны в коварстве и стремились задержать твоё продвижение. И во-вторых, того, против кого ты созывал поход, ты снова имеешь возможность, как и прежде, извлечь из Понтийских областей,[106] как рыбу, пронзенную твоим копьем, и насмеяться над ним, как над самым жалким воробышком, который силится взлететь, но не может убежать отчасти из-за того, что у

него отнято оружие, как бы обрезаны крылья, отчасти же из-за того, что вооруженные юноши искали убежище у тебя и падали ниц перед твоей властью. Так что, захватив вершину, а затем середину, ты овладел и большей частью, а вскоре ты увидишь и оставшуюся часть, следующей за тобой.

И будешь поражать так, побеждать так, победоносный василевс! И доведется тебе возрадоваться великим победам не только на земле, но и украситься прекраснейшими победами на море! [107] И увидим мы, подвластные, твои подвиги на суше и на море, бесспорно стоящими на первом месте. И иноплеменники один за другим будут падать и припадать, те, которые нападают на нас на военных кораблях, и те, которые строят против нас козни на суше.

Ты также защитишь и столицу, нуждающуюся в защитнике, терпящую неслыханные, невыразимые бедствия от безумствующих в ней насильников и от не любящих прекрасного. О, как она сняла с себя порфиру и виссон! О, как с нее сорваны украшавшие ее драгоценности! О, как она посыпала пеплом голову, которую прежде украшала золотая сетка для волос и озаряла ослепительно сверкающее лицо. О, как она унижена и отвергнута, стоящая выше всех городов столица, полная глубоких морщин, еще недавно блестящая, ясноокая и краснощекая!

Итак, о василевс, устремляя взор и поднимая руки к тебе, она непрерывно повторяет молитвы и говорит слова Давида: «Ты мой покров: избавь меня от окружавших меня».[108] Сделайся мне Моисеем - освободителем. Явись как огонь, который сжигает лес [109] для тех, которые сожгли и разрушили меня. Не пощади тех, которые не пощадили меня. Пусть твои стрелы заплатят италийцам за мои слезы.[110] Мои страдания вышли из краев, можно сказать, что и я уподобилась древнему Сиону, который сравняло с землей вавилонское войско. Но как его поднял Зорабобел, так и ты меня подхватив, поднял после этого тяжелого падения. «Возьми оружие и щит и восстань на помощь мне».[111] И будет тебе труд не безвозмездным, а за полное вознаграждение. Я увенчаю тебя перед всем миром царским венцом. Я увенчаю тебя более блистательно венком победы. Я внесу тебя в скрижали, как Рим Брута.[112] Я прослаблю тебя, как Сицилия Тимолеонта.[113] Я сделаю бессмертным тебя и подниму на стеле, как Афины Гармодия.[114] О, если бы я увидела тебя, которого давно и страстно желаю увидеть! Мы смогли бы радоваться, как радуется мать сыну и сын матери, и я смогла бы надеть благодаря тебе ризы спасения и хитоны радости.[115]

Это, василевс, плача и бия себя в грудь, говорит вскормивший тебя город, общая родина ромеев. А Бог утешения [116] да услышит ее вопли и да будет твоя власть радостной и продолжительной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гермес — сын Зевса и Майи, дочери Атланта, был вестником богов и покровителем героев. См.: *Номег. II. 103; 24, 334—447; Od. 5, 43; 10, 227—306.*
2. Арес — коварный и жестокий бог войны. Обязан Гермесу своим спасением из рук братьев Алоидов, внуков Посейдона (*Номег. II. 5, 385-391*).
3. Ср.: *Arr. Anab. I, 11, 2*, а также: *Plut. Alex. 14.5.*
4. Возвращение Феодора I Ласкаря осенью 1206 г. из похода в Пафлагонию против Давида Комнина, чему и посвящена значительная часть «Речи» Хониата.
5. Тимофей (V—IV вв. до н. э.) — уроженец г. Милета в Малой Азии, сочинитель военных песен и дифирамбов.
6. Ср.: *Притч. Солом. 13, 4.*
7. См.: *Эсхил. Жертва у гроба, ст. 168—178.*
8. Противовестиарит и севаст Феодор Ласкарь в начале 1199 г. женился на дочери царствующего императора Алексея III (1195—1203) Анне. Вскоре получил титул деспота. Командовал византийскими войсками в войне с болгарским царем Калояном в горах Родоп и руководил обороной Константинополя в 1203 г. против крестоносцев. См.: *Nic. Chon. Historia. P. 508. 81—509. 20; Georgii Acoropolitae Opera. P. 9. 1—3; Ферјанчич Б. Деспоти у Византии и южнословенским земљама // ПИ САН. 1960. 336. С. 30.*
9. Пс. 8, 6. По жене Феодор принадлежал к роду Ангелов.
10. Константинополь крестоносцы взяли 13 апреля 1204 г.
11. Пропуск в рукописи и тексте. Ср.: *Номег. Od. 5, 282—400.*
12. Ср. *Иер. 9, 2.*

13. Пс. 131, 4.

14. Номер. II. 16, 111.

15. Феодор, вероятно, покинул осажденный Константинополь осенью 1203 г. и, оставив семью в Никее, отправился в южномалоазийские города, чтобы, используя титул деспота и родство с Алексеем III, от его имени организовать греческое население на борьбу с крестоносцами. См.: Oikonomides N. *La decomposition de l'empire byzantin a la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicee: A propos de la «Partitio Romaniae»* // XV Congres Intern. d'Etudes byzantines: Rapports et corapports. Athens, 1976. P. 22—28.

16. Намек на 1 Кор. 4, 12, 21; Пс. 22, 4.

17. Ср.: Рим. 9, 3.

18. Отряд крестоносцев во главе с Пьером де Браше занял Пиги в начале ноября 1204 г. 6 декабря произошла битва у стен города и Феодор I возвратил Пиги. См.: Van Dieten I. A. *Nicetas Choniates: Erlauterungen*. S. 153.

19. Ср.: Номер. II. 3, 346; Од. 19, 438.

20. С иконийским султаном Кай-Хюсравом I (март 1205 — июнь 1211). См.: Georg. Асгрор. *Opera*. P. II. 1—4.

21. После поражения 19 марта 1205 г. при Адрамитии в сражении с латинским войском Генриха малоазийские греки оказались в критическом положении. Этим обстоятельством и было вызвано обращение Феодора к иконийскому султану за помощью. См.: Жаворонков И.П. У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 34-35.

22. В «Илиаде» Тидидом часто называется по имени своего отца Тидея — Диомед, один из величайших ахейских героев, участник Троянской войны, подвигам которого отводится почти вся V книга «Илиады».

23. Эак среди древних греков славился своей справедливостью и благочестием. Даже олимпийские боги приглашали его в качестве судьи в своих спорах.

24. Номер. II. 16, 70.

25. Аид — бог царства мертвых — обладал волшебным шлемом, делающим его невидимым.

26. Около города Ниса (совр. Южная Туркмения), входившего в состав Парфянского государства, находилась долина под названием Нисей со знаменитым в древности конным заводом, где выращивалась специальная порода лошадей для боевых колесниц (Herod. VII. 40).

28. Намек на: Номер. II. 11, 256.

29. Пс. 28, 9 и 7.

30. Иаков (в ветхозаветной традиции — Израиль) и его четвертый сын Иуда, получивший от отца право первородства, стали эпонимами соответственно племени израильтян и иудеев. В XIII в. до н. э. образовалось Израильско-Иудейское государство в Палестине, непрочное политическое образование, которое в 965 г. до н. э. распалось на две части.

31. Суд. 9, 14.

32. Ис. 3, 6.

33. Пс. 44, 4—5.

34. 2 Цар. 2 и 5.

35. Имеются в виду независимые правители городов и областей Малой Азии, появившиеся на исторической сцене сразу же после падения Константинополя: Феодор Манкафа, Савва Асиден, Мануил Маврозом. О них см. одну из последних работ: Sabbides A.G.K. *Byzantina stasiastika kai autonomastika kinemata sta Dodekanesa kai ste Mikra Asia 1189 - C. 1240*. Athena, 1987. S. 173-190, 231—251.

36. Ис. 46, 1; 1 Цар. 5, 3—5. Под Дагоном, вероятно, имеется в виду Мануил Маврозом.

37. Избрание Феодора Ласкаря императором произошло в конце мая — начале июня 1205 г. После отражения нападения Мануила Маврозома, захватившего область по нижнему течению Меандра (Nic. Chon. Historia. P. 626. 47—56).

38. В начале царствования Феодор I высек на стенах Никее и Пруссы свои постановления и указы (Corpus inscriptionum graecarum / Ed. Voeckhio et I. Franzio. B., 1877. T. 4, N 8746—8748).

39. Мф. 5, 19.

40. Ср. Номер. II. 5, 655 и 746.

41. Антигон III (229—220 до н. э.) — царь Македонии. Стремился добиться единства Эллады под гегемонией Македонии. Получил прозвище «Досон» (постоянно обещающий).

42. По предложению крестоносцев в июне—июле 1205 г. между Латинской империей и Феодором I было заключено перемирие. См.: Dolger F. *Regesten der Kaiserurkunde des Ostromischen Reiches von 563—1453*. 2. Aufl. / Bearb. von P. Wirth. Munchen, 1977. T. 3: Regesten von 1204—1282, N 1669.

43. Давид и Алексей Комнины, внуки Андроника II.
44. Имеется в виду басня Эзопа «Обезьяна и рыбаки», в которой рассказывается, как обезьяна решила по примеру рыбаков поймать рыбу сетью, но запуталась в ней. Из чего следует, что братья за незнакомое дело не только бесполезно, но и опасно (Басни Эзопа / Пер. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1968. С. 122—123 (№ 203)).
45. Неточная цитата из: Ис. 40, 4.
46. Ср.: Исх. 13, 21.
47. Ис. 42, 16.
48. См.: Суд. 7, 15—24. Геден в ветхозаветной традиции — эпический герой-воитель, один из вождей племенного союза Израиль. По повелению бога Яхве Геден уничтожает кочевое племя мадианитян, которое в течение семи лет разоряло Израиль.
49. Намек на: Пс. 17, 20.
50. Андроника Синадина, командующего трапезундским войском в походе против Никеи осенью 1205 г. Помимо понтийских греков, там были и грузины. См.: Nic. Chon. Historia. P. 626. 57—68; Laurent V. Andronic Synadenos ou la carriere d'un haut fonctionnaire byzantin au XIII' siecle // REB. 1962. Bd. 20. P. 213—214.
51. Персами здесь Хониат называет туркмен, живущих в пограничной полосе, главным образом на левом берегу Меандра. Крепостью была Лаокидия, сожженная иконийским султаном Сулейманом II (1196—1204) в 1199 г. См.: Duda H. W. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. S. 23.
52. См.: Мф. 12, 43-45.
53. Дан. 3, 49.
54. Ср.: Номер. II. 25, 360—363.
55. Речь идет о византийском аристократе Мануиле Маврозоми, тесте иконийского султана Кай-Хюсурава I. Маврозоми, опираясь на помощь султана, зимой 1206 г. предпринял с сельджукским войском поход на юг Никейской империи, намереваясь основать в нижнем течении Меандра независимое государство. Подробнее о нем см.: Sabbide A.G.K. Op. cit. S. 231—246.
56. Несмотря на победу над Маврозоми, Феодор I был вынужден добровольно уступить по договору с султаном часть своих владений (города Хоны, Лаодокию и местности по течению Меандра) Мануилу ради безопасности на востоке и помощи от Иконии (Nic. Chon. Historia. P. 638. 65—69).
57. Намек на: Пс. 76, 11.
58. См.: Мф. 7, 17—18.
59. Ср.: Пс. 88, 21.
60. Пс. 93, 19.
61. 1 Цар. 2, 6.
62. См.: Пс. 43, 14—15.
63. Ис. 1, 9.
64. Пс. 88, 20.
65. Рим. 8, 31.
66. Намек на: Втор. 14, 2.
67. Пс. 17, 40 и 35.
68. Пс. 88, 28.
69. Т. е. Никеи.
70. Давид Комнин, владевший всей Пафлагонией. Поход начался летом—осенью 1206 г.
71. Втор. 32, 6.
72. Рим. 1, 28.
73. 1 Кор. 10, 7.
74. Пс. 93, 1.
75. Лк. 10, 19.
76. Пс. 97, 8 и намек на Пс. 113, 3.
77. Имеется в виду река Сангарий.
78. Пандар был лучшим лучником в войне троянцев. См.: Номер. II. 5, 95-289.
79. Гектор — сын Приама и Гекубы — был главным защитником Трои. О искусстве обороняться щитом см.: Номер. II. 7. 237—238.
80. Иер. 16, 16.
81. Номер. II. 6. 407.
82. Ibid. 10. 164.
83. 1 Кор. 9, 22.
84. Ср.: Ис. 63, 2—3.

85. Лк. 23, 30. Речь здесь, вероятно, идет о взятии Плусиады.
86. Номер. II. 1. 502.
87. Лк. 14, 32; 19, 42.
88. 1 Кор. 4, 21.
89. Пс. 43, 23.
90. Неточная цитата из Мф. 27, 42.
91. Хониат имеет в виду Давида, праотца Христа.
92. Пс. 143, 1.
93. Там же. 143, 2; 15, 5.
94. Об алтаре Милосердия в Афинах см.: Pausan. I. 17, 1; Apollod. 2, 8, 1. Едва ли речь здесь идет о строительстве храма Феодором I. Вероятно, Хониат употребляет этот термин аллегорически.
95. Намек на: Рим. II, 24.
96. Ираклия Понтийская была «столицей» владений Давида Комиина.
97. Сражение с латинянами под Никомидией.
98. Пословица. Ср.: Иероним. Против Иоанна Иерусалимского// PL. T. 23, 407B, 14—15.
99. Пословица.
100. Союз между Давидом и латинянами был, вероятно, заключен вскоре после разгрома Синадина (см. примеч. 50), т. е. в конце 1205 — первой половине 1206 г. См.: Карпов С. П. Сочинения Никиты Хониата как источник по истории Трапезундской империи // Проблемы всеобщей истории. МГУ. 1971. С. 148.
101. Намек на: Пс. 26, 12.
102. Император Генрих послал отряд латинян под командованием сенешаля Романии Тъери де Лоос в тыл Феодору I, угрожая Никее. См.: Виллардуэн Ж. Взятие Константинополя, № 455; Nic. Chon. Historia. 640. 15—24.
103. См.: Иез. 13, 10—16.
104. Nic. Chon. Historia. P. 640, 24—26.
105. Ис. 31, 3.
106. Давид Комнин в благодарность за помощь послал в латинский Константинополь несколько кораблей с хлебом, получив взамен 300 рыцарей, с помощью которых вернул Плусиаду и напал на владения Феодора I (Nic. Chon. Historia. P. 640, 30—42). Это произошло уже после возвращения Ласкаря в Никею и поэтому в «Речи» об этом ничего не говорится.
107. Морские походы, предпринятые Феодором в течение 1205—1206 гг., редко заканчивались победой. См.: Ahweiler H. Byzance et la mer. P., 1966. P. 304, 311—312.
108. Пс. 31, 7. .
109. Там же. 82, 15.
110. Номер. II. 42.
111. Пс. 34, 2.
112. Брут Луций Юний — согласно древнеримской легенде, основатель республики в Риме и руководитель восстания патрициев против Тарквиния Гордого. Один из консулов в 509 г. до н. э. См.: Plut. Brut. 11.
113. О нем см.: Plut. Timol. 22—23, 39; Diod. XVI. 90.
114. Тираноубийца. См.: Thuc. I. 20; VI. 53—54, 56—57, 59.
115. Ис. 61, 10.
116. 2 Кор. 1, 3.

Воспроизведено по изданию: Никита Хониат. Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем <...> / Пер. Жаворонков П.И. - ВО. М., 1991. - С. 216 - 238.